ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.А. Бернацкая

В статье поднимается вопрос о причастности современной зарубежной художественной литературы, предлагаемой российскому читателю в переводе на русский язык, к феномену информационно-психологической войны (далее – ИПВ). Условия отбора материала анализа те же, что в предыдущих публикациях автора на материале отечественной литературы (см. электронный журнал «Экология языка и коммуникативная практика» 2015, № 2; 2016, №1; 2017, №№ 3, 4; 2018, №1; 2019, №1). Способ решения поставленной задачи – лингвоидеологический анализ на наличие признаков / симптомов ИПВ. Доминантные мишени – агрессивность внешней политики российского государства; итоги Второй мировой войны; ментальность русского народа (традиционные лень, воровство, пьянство, нечистоплотность физическая и нравственная). Закономерный вопрос: надо ли переводить и печатать, следовательно, популяризировать именно те зарубежные произведения, которые формируют и транслируют негативный, а именно, тотально негативный образ нашей страны. Налицо полное совпадение доминантных признаков и тотально негативного вектора оценочности в дискурсивных практиках ИПВ, исследованных в отечественных и переводных текстах. Парадоксальная ситуация: часть современных отечественных писателей создают не менее негативный образ России в её настоящем и историческом ракурсе, чем зарубежные авторы: автор свой – стереотип чужой.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; дискурсивная практика; оценочность; мишень; мелиоративная или пейоративная стратегия; манипулятивное воздействие; идеологема; автостереотип; гетеростереотип.

FEATURES OF INFORMATION PSYCHOLOGICAL WAR IN TRANSLATED FICTION

A.A. Bernatskaya

The article raises the question of the involvement of modern foreign fiction, offered to the Russian reader in the translation into Russian, to the phenomenon of information psychological war. The conditions of selection of the material for analysis are the same as in the previous publications of the author based on the material of Russian literature (see the electronic journal “Ecology of language and communicative practice” 2015, no 2; 2016, no 1; 2017, no3,4; 2018, no 1; 2019, no 1). The method of solving the problem is linguoideological analysis for the features/symptoms of information psychological war. The dominant targets are the aggressiveness of the Russian foreign policy; the results of the Second World War; the mentality of the Russian people (traditional laziness, theft, drunkenness, physical and moral uncleanness). A natural question is whether it is necessary to translate and print, and therefore, to popularize the foreign works that form and convey a negative, namely, totally negative image of our country. There is a complete coincidence of the dominant features and the totally negative vector of evaluation in the discursive practices of information psychological war in the studied Russian and translated texts. A paradoxical situation: some modern Russian writers create no less negative image of Russia in its present and historical perspective than foreign authors: the author is ours, a stereotype is the others’.

Keywords and phrases: *information psychological war; a discursive practice; evaluation; target; meliorative strategy; pejorative strategy; manipulative effect; ideologeme; autostereotype; heterostereotype.*

Статья представляет собой первый, на весьма ограниченном материале, опыт проверки на причастность к феномену информационно-психологической войны зарубежной художественной литературы. Материалом послужили переводы на русский язык. Методом случайного отбора для этой цели избраны два прозаических произведения и несколько номеров журнала «Иностранная литература» за 2017 год.

Джеймс Роллинс. Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа; перевод с англ., 2008. В аннотации жанр определён как приключенческая повесть (хотелось бы сказать, фэнтези). Действие происходит в Южной Америке во времена существования СССР. НКВД посылает группу со спецзаданием. Во главе – Спалко, полковник-экстрасенс НКВД: умная, со сверхчеловеческими экстрасенсорными способностями, виртуозно владеющая всеми видами оружия, с соблазнительной внешностью, но бесстрашная, лишённая человеческих слабостей женщина (высокоразвитый робот?), фаворитка самого Сталина. *Спалко сокрушала ещё и не таких. Она способна согнуть и перековать даже сталь. И никогда не знала неудач* (очевидно, аллюзия на роман Н. Островского). С советской стороны среди главных персонажей, кроме Спалко, – полковник Давченко. Остальные – безликие и безымянные – *вооружённый до зубов отряд русских диверсантов*, бессловесно выполнявшие все приказы. Мишень критики – **агрессивность внешней политики СССР, его претензии на мировое господство**. Из аннотации на обложке: <...> *Хрустальный череп – ключ к секретным вземным технологиям, которые космические пришельцы оставили древнему народу майя. Завладев тайной, советское политбюро станет властелином мира. Длинные руки Москвы уже тянутся к Эльдorado* <...> («Длинные руки Москвы» – клишированная метонимия времён холодной войны).

Главный стилистический принцип – **контраст** в изображении «своих» и «чужих»: очеловечивание, героизация американской стороны (мелиоративная стратегия) и обезличивание, дегероизация, схематизация, обесчеловечивание русской (пейоративная стратегия). Экономия выразительных средств, полные лексические повторы, экспрессивные пейоративы, единый аксиологический вектор при изображении русских и многообразие выразительных средств, эмоциональная сопричастность, нюансированность позитивной оценочности при изображении американцев. Роль антропонимов: уменьшительное фамильярно-дружеские имена «Инди», «Мак», но только «Давченко», только «Ирина Спалко». Полковник Давченко – *высокий человек. Настоящий атлет. Гора мышц. На лице, словно вырубленном из ледяной глыбы, отсутствовали какие бы то ни было эмоции. Впечатлял его рост громалы; В его голубых глазах сверкнуло что-то первобытно-дикое... И всё молчком; Он не улыбался, а скривил губы в едкой ухмылке; с ледяным выражением лица; Во всей ситуации было что-то зловещее; мрачный полковник; громала- полковник; русский гигант; Гигант занёс над ним страшный кулак; громала-русский; свирепый полковник Давченко; Давченко хватает американского археолога-пленника своими страшными лапами*. И во внешности, и в поведении русского персонажа – только чёрная краска: человек, однозначно несущий зло, человек, лишённый чувств, бездуховный, безнравственный, некоммуникабельный. Перлокутивный эффект: его необходимо уничтожить. Ещё один русский, безымянный, но *в его глазах таилась куда более страшная угроза* <...> *русский с мёртвыми глазами...; эти ужасные русские; советские ублюдки*.

Серость, безликость в прямом и переносном смысле характеризуют и представителей государственной власти СССР: *Члены президиума советского политбюро – люди в строгих серых костюмах с непроницаемыми каменными лицами. Русские жестоки: Русские коммандос безжалостно перестреляли персонал лагеря, всех до единого человека*. Русским нельзя доверять, они **лживы**. Американец-археолог вспоминает о таинственном происшествии в 1908 году в

районе Тунгуски в России: ...распространили сообщение. Что это было падение обыкновенного метеорита. Что, конечно, было обыкновенной **ложью** (манипулятивный приём «ловли на крючок исторического факта»). Этноним «русский» традиционно сопрягается с **водкой**. Заглавный герой попал в плен к русским. Его взяли за волосы и... стали вливать в рот **огненную жидкость** <...> **Водка. Деловая водка**. Ещё один клишированный символический образ русского человека – **медведь**. Как образец американского остроумия подаётся комментарий к ситуации, когда русский полковник был раздираем гигантскими термитами: *Кушать подано. Сегодня в меню деликатес. Туша русского медведя.*

Эмоции, позитивные характеристики сильных сторон и слабостей характеризуют американцев. Заглавный герой повести Индиана Джонс – профессор, археолог, полиглот, владеющий в том числе мёртвыми индейскими языками (мая, койхома, один из диалектов инков кечуа), прекрасный стратег с тонким аналитическим умом, чрезвычайно изобретательный, противостоит всему русскому отряду. Виртуозно владея не только огнестрельным оружием, но и обыкновенным пастушьим кнутом, в конце концов выигрывает противостояние. Рядом – ставший предателем, польстившись на хорошее вознаграждение русских, бывший друг Индианы, а также, в силу сложных сюжетных хитросплетений, женщина и юноша, оказавшиеся бывшей несостоявшейся женой Индианы и их сыном. Они дружны, находчивы, остроумны, не теряют чувства юмора, шутят даже в самых критических ситуациях. Внешне все худощавы, гибки, подтянуты. О заглавном герое: *от главы русских командос не ускользнуло, с каким пристальным вниманием он оценивал ситуацию и своих противников. Казалось, его мозг находился в постоянной работе. Несмотря на возраст, он находился в хорошей форме, собран и подтянут, как стальная пружина.* Они не чужды человеческих слабостей, сомневаются, раскаиваются, признают свои ошибки и проявляют пылкую любовь друг к другу, рискуют, готовы и пожертвовать собой ради спасения любимых.

Спалко говорит о планах СССР овладения психотропным оружием, многократно мощнее ядерного: <...> *А в недалёком будущем мы продвинемся ещё дальше: мы будем грозить вам новым оружием, а вы будете нас бояться: то, которое воздействует непосредственно на человеческое сознание и откроет новые рубежи в военной области. Наконец-то мы осуществим идеи великого Сталина! <...> Кто отыщет их (чудодейственные черепа. – А. Б.), тот сможет управлять одной из самых мощных природных энергий. Он получит власть над человеческим разумом! <...> Только вообразите, что это будет за власть! – шептала Спалко. – Не знающая ни границ, ни расстояний, она позволит вывести все вражеские секреты. Мы сможем управлять сознанием ваших лидеров. Даже целыми армиями <...> Мы сможем мгновенно проникнуть в ваши сны, мысли, желания... <...> Но главная прелесть в том, что вы даже не будете догадываться о том, что происходит.*

Доминирующий концепт **русской угрозы** подкреплён двойным повтором лозунга периода холодной войны «**Русские идут!**», ставшего мемом. Сигнализировал угрозу странам НАТО со стороны СССР. Происхождение недостоверно. Сегодня иногда используется русскими националистами [Русские идут]. «Русские идут!» – надпись на транспаранте, который несут американские студенты во время политической демонстрации. Второй раз лозунг как предупреждение об опасности произносит заглавный герой повести. Видя преследующих его русских «диверсантов», Индиана решает, что должен поднять тревогу: *Русские идут!* Таким образом, повесть американского писателя, переведённая на русский и многие другие языки, вместе с фантастическим сюжетом внушает многоязычной, многонациональной читательской аудитории две ключевые идеи. Русские – тупые, жестокие, бесчувственные. Цель внешней политики России – завоевание мирового господства. На пути к этой цели тоталитарное государство, страна-агрессор готова безжалостно уничтожить всё и вся, жаждет применить запрещённое (психотропное) оружие. Тотальная негативность характеристики русского народа и внешней политики России

(здесь ещё советской) свидетельствует о наличии в переводном художественном произведении признаков дискурсивной практики ИПВ.

Время действия романа-притчи (**Доброй ночи, сладких сновидений: роман-притча; пер. с чешск. М., 2015) И. Кратохвила**, одного из самых видных современных чешских писателей, лауреата многочисленных литературных премий, – год 1945. В чешском городе Брно ещё действуют отряды гитлерюгенда. Немецкие войска отступают. Русские войска освобождают окраины города. Рушатся здания. Много человеческих жертв: русских, немецких солдат, гражданского населения. Внимание повествователей обращено к недавнему нацистскому прошлому, частично к более далёкому – революции, Гражданской войне в России, проблемам русской эмиграции; частично и к будущему. Попытка найти в недавней трагической мировой истории (нацизм, холокост) ключ к прозрению послевоенного будущего. Отношение автора к нацизму, холокосту, безусловно, отрицательное. Признаётся историческая миссия Красной армии. Однако формируются и «но». Уже вначале романа просматривается идея идентифицировать деяния гестапо и освободительные действия Красной Армии. Это, безусловно, распространённая в западной прессе и подхваченная рядом российских СМИ, а также российских писателей **дискурсивная практика, транслирующая идею пересмотра итогов Второй мировой войны**. В тексте романа эта дискурсивная практика тесно переплетена с другой, выражающей идею **антисемитизма**. Деятельность *Революционного национального комитета*, организованного *по указке и под эгидой Советской армии*, по мнению чешских граждан, едва ли отличалась от деяний гестапо: мародёрство, грабежи, самовольный захват квартир евреев, выживших в концлагерях или спасённых милосердными людьми и вернувшихся в родной город. Один из центральных персонажей, сын евреев, погибших в концлагере, находит в своём доме таких «революционеров» – бывших соседей:

Вам, герр Штайман (выделено автором. – А. Б.), видимо, невдомёк, что наступила новая эпоха. Такие люди, как ваш папаша, теперь не будут нами командовать. Кончилась капиталистическая лафа, которая довела нас до нацистской оккупации. Ваш, так сказать, дом принадлежит теперь трудовому народу, а вы ступайте себе туда, откуда пришли. Социально-статусное приложение «Герр» (немецкое «Негг») вкуче с еврейско-немецкой фамилией передают пренебрежительно-ироническое отношение адресанта как представителя мещанских кругов освобождённой страны, не по убеждению, а из соображений корыстной выгоды быстро примеривших на себя новые идеи освободителей. Конец фразы явно пахнет антисемитизмом. И этот «душок» косвенно намекает на распространённое мнение западных гуманитариев об антисемитизме в современной России. Ещё более отчётливо поддерживаемая идеологическими представителями армии-освободителя псевдореволюционность обывателей, за которой явственно крылись откровенное корыстолюбие и махровый антисемитизм, развенчивается в саркастическом высказывании повествователя: *<...> часть брненских граждан отправилась служить мессу, даже целую уйму месс, чтобы только не вернулись, упаси Боже, из концлагерей евреи, чьё имущество всю войну они так жертвенно оберегали, а другая часть граждан уже старательно присваивала осиротевшее имущество немцев.* В этом и других фактах эксплицитно передаётся мысль о безнравственности новой национальной (чешской) власти, но имплицитно негативная характеристика армии, а через неё страны-освободительницы. В гиперболически-игровой тональности вербализуется распространяемый в рамках широкомасштабной кампании по пересмотру итогов Второй мировой войны **миф о массовых изнасилованиях** женщин советскими солдатами-освободителями: *В конце апреля на окраинах Брно <...> брненские районы уже были заняты подразделениями Красной армии – будь то её многочисленными захоронениями <...> или **жизнерадостными молодцами*** (выделено автором. – А.Б.), *от которых всё, что было в юбках, убежало и укрывалось в ветвях елей и пихт брненских лесопарков, откуда красноармейцы стаскивали их шестами для жалюзи, какие продаются в лавках.* На **негативный образ армии освободителей** работают два якобы наблюдения жителей освобождённого города о том, что

русские / советские не заботились, в противоположность немцам, о достойном погребении своих павших; более того, живые не гнушались **ограбить мёртвых товарищей** (тема, якобы, типичного для русского менталитета **воровства**, более того, **отсутствия чувства боевой солидарности**, без которой не может быть боевых побед, вообще института армии): *<...> но как раз немцы в отличие от русских заботятся о своих погибших даже в самом жестоком сражении, и если им удаётся, они сразу же их хоронят. Вы только сравните, какое множество советских солдат и как мало немецких мы кладём на телегу. Это наблюдение чеха – участника восстания чехословацкого корпуса в мае–августе 1918, примкнувшего к белому движению в послереволюционной России (в романе их называют «легионерами»)). Тот же легионер развивает тему ретроспективно: *В то лето тысяча девятьсот девятнадцатого, когда мы с адмиралом Колчаком в бесчисленных схватках с большевиками удерживали часть Сибири, снежная целина вокруг нас была сплошь усеяна трупами. Окровавленные трупы волки усердно оттаскивали в свои логовища, а Лена и Енисей уносили мёртвых куда-то в Ледовитый океан. У немцев весьма строгие предписания относительно глубины могил.**

*В то время как на покойниках ... не было уже ни часов, ни вообще чего-то существенного – советские солдаты старательно обчистили их... Когда один парень, участвовавший в захоронении трупов, не нашёл в этом ничего предосудительного («Почему бы и не взять? <...> ведь они покойники, и всё, что на них, может ещё живым пригодиться»)), ему резко возразил легионер: «Мы не гиены, – отрезал легионер, и больше уже никто не посмел даже пикнуть, а парень, осмелившийся возражать, опустился на колени и надел часы на запястье покойного; Там лежало девятнадцать мёртвых русских солдат и двое немецких <...> Вся бригада прижалась к мостовой... К ним подошли русские солдаты и, приняв их за мёртвых, собрались было их обчистить.... Мораль: чехи-европейцы более нравственны. И немецкие солдаты даже накануне поражения сохранили нравственность, дух товарищества, уважение к павшим: **пересмотр итогов войны в пользу побеждённых.***

Подобные кажущиеся малозначительными вкрапления выполняют важную когнитивно-прагматическую функцию, создавая ментальный портрет русского, советского. Концепт «русский» приобретает традиционный для европейской картины мира штамп: Да, советский солдат освободил Европу от фашизма. И за это ему спасибо. Победа дорого обошлась ему. Но при этом он остаётся варваром, не чисто плотным физиологически и нравственно, лишённым знаменитого немецкого «Kameradschaft» (чувства товарищества): обкрадывает трупы своих же соратников, не предаёт их земле, массово насилует женщин, насаждает в Европе чуждую ей безнравственную идеологию, опираясь на низменные инстинкты обывателей, склонен к антисемитизму. Характер негации позволяет трактовать соответствующие фрагменты романа как дискурсивную практику ИПВ.

Ещё одна мишень ИПВ – **Органы Безопасности Советского Союза**. Они приравниваются к службе безопасности фашистской Германии: SS. В конце книги отплывающий из Европы в США персонаж-повествователь пишет другу: *Отчим, дорогой Якубек, предсказал мне и то, что нас ждёт, если свободу принесут нам не американцы, а освободит нас Красная армия. Я уже давно знал о существовании СМЕРШа, специального подразделения, выделенного из НКВД. СМЕРШ – аббревиатура, читаемая как «смерть шпионам». И СМЕРШ мало чем уступает Sicherheitsdienst.* Подстрочная сноска к немецкой лексеме – «служба безопасности»; хорошо известная без перевода аббревиатура SS «деликатно» опущена: тонкое, изощрённое средство манипуляции.

Ярчайшая, дискредитирующая недавних освободителей Европы идея **оккупации** Советским Союзом стран Восточной Европы, вплоть до знака равенства с фашистской оккупацией: немногословно, как бы невзначай, но безошибочно закреплённая несколькими повторами, исключаящими «забывчивость» – мысль, абсолютно созвучная политической доктрине современных США по отношению к России и занимающая немаловажное место в содержательной концепции современной ИПВ против России. Идеологема **оккупация** усиливается другой

идеологемой: армия освободителей и её страна именуются **захватчиками**. Тот же персонаж едет морем в США и, проплывая мимо Румынии, в письме другу напоминает, что эта страна расположена в нашей несчастной, опустошённой Европе, где **одних захватчиков сменяют другие**. Идея заявлена уже в начале повести. Наиболее близкий автору повествователь Костя передвигается по городу, за который Советская армия ещё ведёт кровавые бои, и размышляет: *Некоторые улицы, как известно, заминированы. Нынешние оккупанты будущим уготовили огневое приветствие*. На пути в США он же комментирует: *... Венгрии и Румынии, которым был присвоен статус побеждённых и потому они оккупированы Красной армией*.

Мишенью переоценки российского прошлого становится и **литература**, а именно, господствовавший в советской литературе **социалистический реализм** и в этой связи роль и судьба **А.М. Горького**. Поводом стала центральная интрига, связующее звено сюжета: некий неизвестный в России групповой портрет кисти Репина: А.М. Горький в окружении Л. Андреева и ряда других известных лиц. Интрига раскрывается в конце романа-притчи. Рассказчик, начинающий литератор, сообщает случайному спутнику, что Горький – его биологический отец. Собеседник говорит, что в таком случае можно ожидать, что сын унаследовал от отца, признанного оплотом соц. реализма, приверженность к этому направлению. Рассказчик возражает, обвиняя собеседника в неосведомлённости. *О, ты о нём ни черта не знаешь. Под официальным знаменем соц. реализма на самом деле он чётко следил за развитием литературы, отстаивая и спасая её исключительное разнообразие. Потому-то его в конце концов и убрали, чтобы от имени Горького посадить всю литературу на одну болванку – на какой-то тупой реализм, на литературу для сотен тысяч читателей*. Острые критики направлены на принцип массовости литературы в пользу элитарности: на то, что составляет нашу гордость, на ту громадную роль, которую художественная литература, не тронутая кризисом литературоцентризма, сыграла в подъёме культурного уровня, в духовной консолидации молодого советского государства и не в последнюю очередь в победе в Великой Отечественной войне, в послевоенном строительстве. Пейоративный метафорический эпитет *тупой* и оценочно близкая развёрнутая метафора со сферой-источником из мира несложного ремесла (*посадить на одну болванку*) с коннотативной семьей «тупой» за счёт семантики производящей основы, без сомнения, «вхожи» в ассоциативно-оценочное поле «военных» действий, то есть ИПВ.

Для характеристики **государства СССР как мишени критики** герой-рассказчик использует безжалостно-экспрессивный оценочный эпитет: **параноическое советское государство**. Если всё советское изображается в рамках пейоративной стратегии, то Америка, напротив, мелиоративной, с целью повышения её имиджа. В финале романа, концовке письма рассказчика звучит мысль о том, что истинным освободителем был не СССР, а «цитадель свободного мира» – Америка: *<...> у меня нет, Якубек, ни малейших иллюзий относительно будущего Чехословакии. Американцы предчувствовали, что может произойти у нас, и потому предложили нам эту возможность: вовремя просить убежища в свободном мире. И мне, Куба, будет очень жаль, если Вы не воспользуетесь этим и угодите в западню*. Здесь же, в рамках стратегии повышения имиджа, послевоенной Америке приписывается чувство не только гордости за победу, но и чувство вины: *Натан меня убедил, что Америка всё ещё испытывает чувство вины и оттого, что вступила в войну лишь тогда, когда у неё у самой уже горела земля под ногами, и оттого, что война не коснулась её городов, в то время как в Европе пылали школы и храмы*. С чувством умиления описывается, как в конце войны, когда ещё шли бои, американский десантник с риском для жизни доставлял больницам города мешки со спасительным пенициллином.

Свидетельством достоверности, убедительности негатива по отношению к России, её до- и послевоенной истории призвана послужить демонстрация принципиальной непредвзятости автора: его, якобы, нежелание лакировать противоположный мир, олицетворяемый Америкой. В завершающих строках письма рассказчика другу читаем: *<...> мы покидаем свободную стихию Атлантики и снова вступаем в мир лишь сомнительной человеческой свободы <...> В это*

самое время отлетает в направлении Хиросимы специальный самолёт с *littleboy* (выделено автором; сноска: “*Мальчи (англ.)*”: имеется в виду атомная бомба, сброшенная на Хиросиму. – А. Б.). И далее, вспоминая, что по прибытии парохода в пункт назначения его ждёт неприятная процедура тщательного медицинского осмотра, адресант, обращаясь к себе во втором лице, формулирует финальную фразу письма и романа-притчи: *Но нежелательной становится теперь и зараза большевистскими идеями, так что будет лучше, Константин Максимович, если ты отречёшься от своего отца. Дело ясное, постарайся и отрекись от папаши!* Тавтологичный повтор лексемы-объектива в намеренно просторечной форме с ироничной коннотацией выдаёт вторичную, чисто функциональную роль всего сюжетного хода, дезавуирует интенцию непредвзятости: идеологическая интенция переводного художественного текста – создание негативного образа России, символический отказ от России. Связь с феноменом ИПВ неоспорима. Остаётся открытым вопрос, почему при громадном выборе современных талантливых зарубежных произведений выбраны именно эти. Первое сочинение привлекательно для молодёжи, второе в большей мере для людей среднего возраста. К сожалению, мы не задавались целью сделать какие-либо статистические выводы относительно места переводных произведений с признаками ИПВ по отношению ко всей массе переводной литературы, например, изданной в начале XXI века. В этой связи небезынтересен вопрос о публикациях в периодических изданиях. В качестве первого пробного камня были проанализированы в нашем ключе несколько номеров журнала «Иностранная литература» (далее – ИЛ) за 2017 год.

ИЛ, 2017. № 1. Рубрика «Писатель путешествует». **Кристоф Рансмайр. Атлас робкого человека. Перевод с немецкого, 2012.** Место действия – Чехия после распада СССР и Варшавского блока. Старик в одиночку пытается восстановить еврейское кладбище. Он не еврей, но он не был и сторонником коммунистов, которые тогда ещё правили страной и *норовили попросту истребить всё, что превосходило их разум или противоречило догматам их веры.* Категорическая тональность высказывания (экспрессивная семантика глагола, обобщённость местоимения), претендующего на неопровержимую истину, позволяет отнести его по степени радикальности к высшей степени борьбы – войне (информационно-психологической). Мишень – послевоенное прошлое страны как результат победы СССР над фашизмом (коммунисты – ставленники «оккупационных властей»; см. выше), с иной формулировкой – пересмотр итогов Второй мировой войны. Ещё в более острой форме роль СССР в этой войне пересмотрена в содержании второго номера журнала (ИЛ, 2017. №2). Почти весь номер посвящён памяти Э. Бёрджесса. Знаменитый американский писатель Гор Видал («Почему я на восемь лет моложе Энтони Бёрджесса», 1987) цитирует культового английского писателя: *В феврале на Ялтинской конференции половину Европы продали русским,* – предваряя цитату комментарием: *В той степени, в какой у Бёрджесса вообще были политические предпочтения, он был ярким реакционером и мог выдать «блимпиглы»* (сноска: «происходит от Блимпа – полковника, персонажа английских карикатур, стереотипный образ напыщенного, чопорного англичанина». – А. Б.) Наличие хоронима и топонима придаёт высказыванию эффект документальности. Значим синтаксис фразы. Лаконичное бесподлежащее предложение несёт тональность неоспоримой утвердительности. Вторая мировая война представлена метафорой торговой сделки, главным актором которой выступают западные союзники, а СССР – пассивным «покупателем». Не просто занижается или оспаривается роль Советского Союза в победе над фашизмом. Неосведомлённый об истории страшной войны читатель не задаётся вопросом о том, какой ценой далась «русским» эта «покупка». Номер журнала содержит текст юбиляра: Энтони Бёрджесс. Твое время прошло. Фрагменты автобиографии. 1961–1993. Автобиография – специфический литературный жанр. Автобиография «соединяет в себе документальность и фикциональность. Первая проявляется в использовании реальных фактов из жизни автора, определённых средств документальности, таких, как датирование, топонимы и другие.<...> При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам» (выделено автором

цитаты. – А. Б.). Специалисты говорят о важности того, что в жанре автобиографии «анализ действительности равен художественному образу этой действительности; субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания...», причём, чем дальше событийное время отстоит от его описания, тем существеннее субъективный фактор оценочности [Сапожникова 2012: 54–56]. Бёрджесс в автобиографии описывает морское путешествие в Россию в начале 60-х годов, свои и своей жены впечатления о стране и её людях. Н. Мельников в рецензии на роман Э. Бёрджесса «Клюква для медведей», в основу которого легли впечатления писателя о путешествии в Россию, весьма благодушно трактует отношение писателя к стране и её людям: «Впечатления от эпохальной поездки в страну победившего социализма <...> оказались не столь мрачными... Образ Советской России эпохи хрущевской оттепели лишен у Бёрджесса демонического ореола “империи зла”, а сам роман не имеет ничего общего с расхожей антисоветчиной (мягко и ненавязчиво перетекающей в русофобию), свойственной многим англо-американским беллетристам, обращавшимся к “русской теме”. Перед нами не политический памфлет и даже не “острая сатира”, а, скорее, экстравагантная комедия положений с элементами буффонады, пародирующая штампы “шпионского романа” и высмеивающая стереотипные представления о России, вбитые обывателям западной прессой» [Мельников 2003: 229]. Полярно иное откровение самого писателя о своём романе, для которого он изобрёл сленг из русских и английских слов: «Мне хватило около двухсот русских слов. Так как речь в романе шла о “**промывании мозгов**”, то и тексту была уготована та же роль. Этот минимум русских слов “**промоет мозги**” читателям. Роману предназначалось стать **упражнением в лингвистическом программировании**» [Бёрджесс 2017: 185].

В публикуемых фрагментах беллетризованной автобиографии отмечены несколько российских реалий с авторской **позитивной оценкой**. Характерная особенность: позитив каждый раз умалется или вовсе аннулируется посредством дополнительных обстоятельств, например с отношением уступительности: *Поначалу Ленинград не произвёл на нас большого впечатления – полуразрушенные складские помещения, запах канализации и дешёвого табака <...> Однако Нева сверкала, словно дух Пушкина витал над ней, архитектура центра города была прекрасна, хотя и не по-советски*. Писатель отмечает красоту русских женщин, но тут же добавляет оценочный контрнегатив: *А прелестные девушки были ужасно одеты*. На пароходе по пути в СССР члены экипажа были *очаровательны* – по большей части учителя английского языка; они носили морскую униформу – чистую, хорошего покроя. Страницей дальше о них же: *Некоторые не говорили ни слова, что было лучше, чем говорить ужасно* (злая карикатура на советскую систему обучения иностранным языкам). За лечение туристки, жены писателя, в ленинградской больнице денег не взяли. Комментарий автора: *СССР – страна социализма!* С учётом дистанционного контекста позитив в глубинной структуре следует воспринимать как иронию, сравним: *Я ожидал увидеть грядущее суровое будущее, <...> а увидел грязь и беспорядок*. За недружелюбной иронией кроется злорадство по поводу катастрофического конца социалистического строительства, краха идеи коммунизма: аллюзия на несбывшуюся веру в конечную всемирную победу коммунизма. В зачине описания путешествия контраст в пользу русских: *Их сияющий пароход резко контрастировал с нашей грязной пристанью*. Контраст «там / здесь» образует рамочную конструкцию. В порту прибытия в Россию таможенники пропустили туристов без досмотра багажа. По возвращении в тот же грязный английский порт их встретили *мрачные полицейские, их багаж изрядно потрясли*, обложили пошлиной. Опять позитив в пользу России? Финальная фраза звучит загадочно-двузначно: *Ну вот мы и попали в вымышленный Советский Союз из нашей беллетристики <...>*. Понимать ли эту фразу как автокорректуру: признание слишком положительной оценки России в беллетризованной автобиографии? Ещё один пример внешнего позитива: *Великолепная картинная галерея в «Эрмитаже» была составленной из западных трофеев*. Это уже ракурс **переоценки итогов**

Второй мировой войны: имплицитно мыслится мысль о **воровстве** уже в государственном масштабе. Роль России в войне обесценена до примитивного грабежа.

Событийный жанр путешествий инициирует описание и оценку страны и её представителей, народа и его менталитета. Ленинград – это *полуразрушенные складские помещения, запах канализации и дешёвого табака*; Москва – *просто большая деревня*. В стране царит беспорядок, всё не функционирует. *Лифт не работал – Nye rabotayet* – Эта надпись украшала большинство дверей ленинградских лифтов. На пароходе с интуристами *души не работал*. Британский гость с трудом пробивается к автомату «*papirrosa*», на котором болталась знакомая вывеска *Nye rabotayet*. Писатель покупает в ларьке сувениры, в том числе флажок с портретом Ю. Гагарина. Девушки-продавщицы не сильны в знании курса английской валюты. Комментарий автора в иронической, брезгливо-снисходительной тональности: *Ну как обращаться с такими людьми? <...> Где ещё найдёшь такой милый народ? Их нельзя бояться: если они не сумели разобраться в британской валюте, то вряд ли их расчёты межконтинентальных баллистических ракет будут в точности соответствовать действительности. Когда время в стране так мало значит, разве можно всерьёз относиться к призывам безотлагательного планирования и призывам перегнать Соединённые Штаты в области технологии?* «Они» – это уже не девушки-продавщицы, а народ страны, советские, русские люди. Ирония, неоправданные обобщения и гиперболизация – излюбленные приёмы автора.

В магазинах, если они не предназначены для элиты, – *хоть шаром покати*. Городские улицы в плохом состоянии, дома нуждаются в покраске. Советские люди живут с мозгами, затуманенными алкоголем или идеологией, а то и тем, и другим. **И не видят, что их окружают разбитые окна и грязные фасады зданий.** Интуристы из финансовых соображений нашли частную квартиру. Их устроили в **ужасный** многоквартирный дом с **размытым дождём барельефом**. Такси в Ленинграде надо ждать не менее часа. «Скорая помощь» на вызов интуристов долго не приезжала. Наконец, пришёл не врач, а **три фельдшера-коротышки**; один из них **самый плюгавый коротышка**. В гостинице «Европа» гости четыре часа ждут заказанный бефстроганов. Авторский комментарий в форме риторического вопроса в саркастический тональности: *Но что такое четыре часа, в то время как русский народ четыреста лет ждал, когда падёт царское иго? Даже дольше.* Трудно подобрать подходящую лексику для следующей абсурдной сцены: опьяневшую заокеанскую гостью, не устоявшую на ногах, подбирает «Скорая помощь». Даму положили в машину, **а её ноги болтались на улице**. Оценочная категория негатива доведена до абсолюта, до супергиперболизации, до нелепости, до настоящего абсурда.

Впечатления о русских, менталитете народа многочисленны, но объединены модальностью негатива. Русским приписывается **покорность судьбе, полное смирение**, отчего требовательность иностранных гостей воспринимается неадекватно: *Я столкнулся с типично русской резиньязией: людям трудно угодить, даже в мелочах они проявляют удивительную несговорчивость.* Транслируется мысль об отсутствии у русских культуры бытового поведения, элементарной вежливости. Персонал в гостинице, обслуга на пароходе не владеют служебным этикетом: без стука входят в гостиничный номер, в каюту. Писатель отказывает русским в **чувстве собственного достоинства**: продавщицы – девушки в сувенирном ларьке *пришли в восторг* от подаренной им плитки шоколада, *и я был расцелован*. Самая позитивная характеристика: *Кажется, я стал понимать русских. Они вроде ирландцев – фантазёры и задиры* (известно невысокое мнение англичан об ирландцах. – А. Б.). Со снисходительной иронией автор заключает: *Видит Бог, русским так нужно, чтобы их любили! Их маниакальная депрессия* – как пародия на диалектический материализм. Тезис – *мания*, антитезис – *депрессия*, но никакого синтеза. **Они кажутся неустойчивыми людьми, склонными к слезам и крепким напиткам**; *наверное, они тоскуют по коммунизму.* Миф о **пьянстве** как одной из главных черт русских тиражируется с использованием перифразистической синонимии: *<...> Ну, как обращаться с такими людьми?, <...> Их нельзя бояться <...> Они живут с мозгами, затуманенными алкоголем или*

идеологией, а то и тем, и другим; Про русских было известно, что они **не дураки выпить**; <...> Но зато **нет недостатка** в сигаретах, а также **в водке** и квасе; Бог мой, только посмотри, **как пьют в России**...; Старший официант <...> **выпивал пол-литра водки за один раз** – большими глотками, словно садовник, пьющий холодный чай; Жена писателя научилась **пить водку по-русски** – залпом глотать содержимое рюмки. Видя, как британская туристка вышла, **укрепив свой дух многочисленными рюмками водки**, официантка сказала ей с восхищением: **Да вы становитесь настоящей русской**; Почти каждый вечер атмосфера тут оживлялась **дружескими попойками**. В ресторане гостиницы «Метрополь» специальные женщины подносили нашатырь под ноздри **хранящим во сне пьяницам**. Если это не срабатывало, женщины...тыкали тампоны прямо в глаза. Ослеплённые **пьяницы** истошно вопили, и тогда вышибалы...вышвыривали их на улицу. Писателю в поисках сигарет приходилось пробиваться сквозь **захмелевших** людей; Сцена в Метрополе была яркой иллюстрацией **русского «таланта к пьянству»**. Ни о каких других талантах, позитивных способностях, притягательных чертах национального русского характера упоминаний нет: приём значимого нуля. Зато единственный «талант» в разных вариантах языкового выражения упоминается на 64 страницах 14 раз: по одному упоминанию на каждые 4,5 страниц! Непременный атрибут описания характера русских – **воровство**. Причина – скудная и невкусная еда на советском пароходе: **Возможно, здесь воруют**, как и на всех пассажирских судах мира. Я видел, как старший стюарт ... перед выходом из порта пересчитывал толстую пачку фунтовых купюр. Служащие гостиницы **коррупционированы**. Мне казалось, что я оскорблю советского служащего, если дам чаевые, но он сам чуть ли не требовал *backshish* <...> Все хотели *backshish*. Хотел его и лысый старик при туалете гостиницы, усердно читавший Гоголя.

«Грязь» – следующая традиционно называемая черта русских: **грязные фасады домов; однокомнатная, грязная квартира**. **Лживость** русских: **Русские – ужасные лгуны**. На съёмной квартире говорили о **явной лжи советской прессы**. **Бедность** во всех обличьях. На пароходе **еда была отвратительной** <...> Еда была не только **невкусной**, но и **скудной**; один из пассажиров жаловался, что **напиток за столом – не чай, а моча**. Зарубежного гостя, приторговывавшего в туалете ленинградской гостиницы дамской одеждой, предупреждают: **надо осторожно, чтобы не попасть в советскую тюрьму**: **Кормят там ужасно, и среда чудовищна**. Британские гости «Метрополя» сражались с двумя тучными матронами за право получить **на завтрак кровяную колбасу и холодный чай**. В «Метрополе» «роскошный ужин» состоял из яичной глазуньи, кильки, шпротов, гренок и отварной осетрины; из газет мы знали, что русские **плохо одеваются**, и у них **нехватка товаров широкого потребления**. Посетители ресторана – молодые люди в форме и девушки в **простеньких платьях сороковых годов**. Элитный зарубежный гость не брезговал собственноручно подторговывать в гостиничном туалете в стране **дурно одетых тружеников** специально для этой цели привезёнными предметами дамской одежды. Потом, растроганный жалким видом и бедностью русских людей, просто одаривал в холле «Астории» находящихся там женщин: **Несколько пожилых женщин... принимали подарки с радостью, слезами, крепко меня обнимали**. А одна взяла платье, придирчиво его осмотрела и взяла, не поблагодарив. Читатель, случайно заглянувший в текст Бёрджесса, решил бы, что описывается встреча белого завоевателя на заре колонизации с каким-то племенем туземцев где-нибудь в Африке. Не упомянуты разве что стеклянные бусы, железные ножи и зеркала.

ИЛ. 2017, № 5. Шарль Данциг. Эгоистическая энциклопедия всего и ничего. Перевод с французского. В разделе «Размышления о народах» автор обобщающе, безадресно говорит о **скудоумии народов, свыкающихся с любым уродством, любой мерзостью, о лицемерии народов в отношениях с демократией**: Они голосуют, прекрасно понимая, что им лгут, но предаются бесплодным мечтам, а потом жалуются на режим, утверждая, что ничего не знали, даже не понимают, что сами себя обманывали, тогда как **власти прекрасно умеют манипулировать этим самообманом и всегда могут надуть своих избирателей**.

*Вот пример такого самообмана в странах военной диктатуры. «Это всё политика»! – сказал мне один русский по поводу закона, ограничившего сферу действий НПО (в сноске: «неправительственных организаций». – А. Б.), и принятого при Путине. Высказывание, типичное для угнетённых народов, которые бессильны что-либо изменить, а часто и не хотят перемен. Русские находились в таком положении между 1917 и 1991 годами. Налицо манипулятивная технология. Она состоит в том, что зачин микротекста выдержан в нейтрально-обобщающем ключе (бывали, есть такие народы). Затем происходит редукция, ограничение неопределённого множества. На первом этапе экзистенциальное обобщение редуцируется до определённого типа режима: «военная диктатура». В концовке микротекста обнажаются **истинные мишени манипулятивного воздействия: Россия, русский народ, русская история, власть.** Примечательно, что ни переводчик, ни редакция журнала не сочли нужным сопроводить комментарием переводной текст автора явно либеральной ориентации.*

Проведённое небольшое исследование показало полную идентичность мишеней ИПВ в переводной книжной и журнальной художественной литературе и в книжной отечественной. Подчеркнём ещё раз: говорить о цитированных переводных текстах, так же как и об оригинальных отечественных, в контексте ИПВ допустимо не потому, что много критики, а потому, что в изображении страны и её народа имеет место **только негатив**. Этот вывод в принципе совпадает с мыслью А.П. Чудинова: «Специалисты различают гетеростереотипы (представления о других) и автостереотипы (представления о самом себе как некоторой культуры, образ “себя”). Анализ стереотипов восприятия нацией самой себя позволяет лучше понять национальное самосознание, национальные ценности, образ мышления. Позитивные национальные автостереотипы создают возвышающий имидж своей нации, а негативные гетеростереотипы зачастую формируют “образ врага”, т. е. негативные представления о нации, государстве или группе государств, которые используются для контроля над массовым сознанием и для культивирования чувств страха, недоверия и враждебности. “Образ врага” имеет свой антипод – “образ друга”, т. е. намеренное акцентирование позитивного имиджа (например, в пропаганде времен “реального социализма”)» [Чудинов 2012: 47]. Наши исследования обнаружили парадоксальную ситуацию: часть современных отечественных писателей создают не менее негативный образ России в её настоящем и историческом ракурсе, чем зарубежные авторы: автор свой – стереотип чужой. Закономерный вопрос: надо ли переводить и печатать, следовательно, популяризировать именно те зарубежные произведения, которые формируют и транслируют негативный, а именно, тотально негативный образ нашей страны? Задаются ли этим вопросом органы, по долгу службы обязанные оберегать и защищать доброе имя страны, чувство сопричастности к стране, её прошлому и будущему, сохранять чувство идентичности и фундамент самоидентификации каждого гражданина страны? Это актуальный сегодня в обстановке идеологического плюрализма, отсутствия чёткой государственной идеологии вопрос. Активируемые в разных государственных институтах, по разным каналам коммуникации приёмы, стратегии и тактики манипулятивных воздействий на сознание людей, ориентированных на пересмотр далёкого и недавнего прошлого страны и мира с целью негативной переоценки всего того, что составляло предмет гордости, фундамент национальной самоидентификации страны и её граждан: история страны, её знаменательные даты / события, исторические личности, национальная ментальность, литература, наука и искусство, православие как исторически закрепившийся фундамент коллективизма (соборности), духовности, создают многочисленные каналы реализации дискурса ИПВ как реальной угрозы сохранению государства, нации, их настоящего и будущего.

Литература

- Бёрджесс Э. Твоё время прошло. Фрагменты автобиографии // Иностранная литература. 2017. № 2. С.138–202.
- Гор В. Почему я на восемь лет старше Энтони Бёрджесса // Иностранная литература. 2017. №2 С. 268–277.
- Данциг Ш. Эгоистическая энциклопедия всего и ничего / пер. с франц. // Иностранная литература. 2017. №5. С. 261–277.
- Кратохвил И. Доброй ночи, сладких сновидений: роман-притча / пер. с чешск. М.:Текст, 2015. 286 с.
- Мельников Н. Необыкновенные приключения британца в России. Энтони Бёрджесс. Клюква для медведей: роман / пер. с англ. Е. Цыпина. СПб.: Симпозиум, 2002. 398 с. // Знамя. 2003. № 4. С. 228–231.
- Рансмайр К. Атлас робкого человека / пер. с нем. // Иностранная литература. 2017. № 3. С. 256–280.
- Роллинс, Дж. Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа / пер. с англ. С. Магомета. М.: Астрель, АСТ, 2008. 381 с.
- Русские идут [Электронный ресурс]. URL: <https://go.mail.ru/search?src=go&fr=main&sbmt=1549099581236&frm=main&q=%21> (дата обращения: 03.07.2019).
- Сапожникова Ю.Л. Автобиография: понятие и особенности [Электронный ресурс] // Ученые записки Забайкальского ГОС-го ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение, 2012. С. 54–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti> (дата обращения: 03.07.2019).
- Смородины А. и К. Два взгляда на проблему России // Москва, 2010. № 5. С. 189–196.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: уч. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

References

- Bjorzhess Je. Tvojo vremja proshlo. Fragmenty avtobiografii [Your time has come. Fragments of autobiography]. *Inostrannaja literatura*, 2017, no 2, pp.138–202.
- Gor V. Pochemu ja na vosem' let starshe Jentoni Bjorzhessa [Why I'm eight years older thanSantoni Borgese]. *Inostrannaja literatura*, 2017, no 2, pp. 268–277.
- Dancig Sh. Jegoisticheskaja jenciklopedija vsego i nichego [Selfish encyclopedia of everything and nothing] / transl. from French. *Inostrannaja literatura*, 2017, no 5, pp. 261–277.
- Kratohvil I. Dobroj nochi, sladkih snovidenij: roman-pritcha [Good night, sweet dreams: novel-paroemia] / transl. from Czech. Moscow, Tekst Publ., 2015. 286 p.
- Mel'nikov N. Neobyknoennye prikljuchenija britanca v Rossii. Jentoni Bjorzhess. Kljukva dlja medvedej: roman [The extraordinary adventures of a Brit in Russia. Anthony Burgess. Cranberry for bears: novel] / transl. from English by E. Cypin. SPb., Simpozium Publ., 2002.398 p. *Znamja*, 2003, no 4, pp. 228–231.
- Ransmajr K. Atlas robkogo cheloveka [Atlas of the timid man] / transl. From German. *Inostrannaja literatura*, 2017, no 3, pp. 256–280.
- Rollins Dzh. Indiana Dzhons i Korolevstvo hrustal'nogo cherepa [Indiana Jones and the Kingdom of the crystal skull] / transl. from English by S. Magomet. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 381 p.
- Russkie idut [The Russians are coming]. Available at: <https://go.mail.ru/search?src=go&fr=main&sbmt=1549099581236&frm=main&q=%21> [accessed 03.07.2019].

Sapozhnikova Ju.L. Avtobiografija: ponjatie i osobennosti [Autobiography: definition and characteristics]. Uchenye zapiski Zabajkal'skogo GOS-go un-ta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie [Scientific notes of Zabaikalsky State University. Series: Philology, history, Eastern studies], 2012, pp. 54–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti> [accessed 03.07.2019].

Smorodiny A. i K. Dva vzgljada na problemu Rossii [Two views on Russia's problems]. Moskva, 2010, no 5, pp. 189–196.

Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. 4th ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 256 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru